

Аполлинария Разумнова

Клюква в снегу

Аполлинария Разумнова

Клюква в снегу

«Автор»

2026

Разумнова А.

Клюква в снегу / А. Разумнова — «Автор», 2026

Редкий пример образцового блюстителя порядка представляет из себя городской пристав Египтянов. Он мастерски усмиряет негодяев в Пятигорске, а иной раз и в других городах Минеральных Вод. Однако отчего сын рыбного торговца решил вдруг, вопреки порядку, пойти не по стопам отца? И долго ли успех будет на его стороне, или дело о пропажи дочери генерала, приехавшего на зимний отдых, положит конец не только службе Петра Парфёновича, но и его жизни.

© Разумнова А., 2026

© Автор, 2026

Аполлинария Разумнова

Клюква в снегу

Подпоручик Пётр Египтянов шагал по дороге к небольшому голубенькому домику на 8-линии Васильевского острова. Он был в предвкушении встречи. Жизнь только начиналась и начиналась весьма неплохо... Конечно, он ещё не получил дворянства, но по мыслям подпоручика до этого оставалось не столь долго. Надо сказать, его желание к этому было мало, но вот другая его тайна едва ли не обязывала. Несколько лет, когда был он с отцом в Воронеже, помогая тому с продажей рыбы, приметил в экипажике барышню. На другую Пётр и не посмотрел бы, пусть и тройка была бы запряжена, но эта барышня в голубеньком капоре заставила забыть его и о торговле, и о рыбе, и обо всём прочем на свете. Неизвестно как выведал он, что это дочь капитана Весеникова Катенька. «Капитанская дочка» - так про себя называл её Пётр, тайком от отца прочитавший роман Пушкина.

Молодым человеком было принято решение свататься, но, даже если бы отец и позволил, оставалась едва ли преодолимая пропасть, (по крайней мере в глазах Египтянова): как мог он, сын рыбного торговца мечтать о женитьбе на дочери капитана? Поняв, что иного пути, как служба нет, Пётр собрался в военные. Это тоже оказалось непросто, но после всех трудностей, что начались с пререканий с отцом, Египтянов всё же надел заветный мундир, пусть и прапорщика (о чём он мог ещё мечтать?). Но дальше пошло лучше теперь уже подпоручик, ожидал с дня на день получить известие, что он поручик. А затем... а затем совсем немного и можно свататься... А пока уже ладно, что в доме Весениковых он желанный гость.

Вот и теперь с высоких белых ступеней домика порхнула она, Катенька, вероятно, ожидавшая мига, устремилась к подпоручику. Легкое, барежевое платье трепетало при каждом её движении. Египтянов ускорил шаг. Вслед за дочерью показался и сам капитан Весеников. Он добродушно улыбнулся, Пётр тоже обрадовался.

- Чу! - раздалось вдруг позади подпоручика. - Куда несёшься, окаанный!

Египтянов обернулся. По линии мчался во весь опор всадник. В руках его блестел лефоще. Пулей промелькнула у подпоручика мысль о слухах, ходивших в последнее время, будто Весеников неким образом оказался помощью Отдельному корпусу жандармов и теперь за ним охотятся «политические». Больше времени не было. Пётр развернулся, чтобы добежать и оттолкнуть капитана, но его опередили. Опередила Катенька. Она загородила отца, раскинув в стороны тоненькие ручки. Всадник проскакал по улице и скрылся за углом. Египтянов вновь обрадовался, что пронесло и не сразу понял, отчего визжит свисток подбежавшего городского. А когда глянул, онемел: Катенька лежала на коленях Весеникова. Её беленькое платье было прожжено кровавым пятном. Подпоручик подбежал - Катенька открыла глазки и улыбнулась. Русая головка свалилась набок. Весеников молчал, смотря как в его загорелой, крепкой руке бледнела и холодела тоненькая белая ручка. Подпоручик тоже смотрел, но на платье, изуродованное пулей, капитану она пришлась бы в сердце, но Катенька была ниже отца. Кто позвал полицию ни Весеников, ни Египтянов не знали. Однако, когда пришёл из части помощник пристава, последний уже отвечал, как никогда живо и подробно. Это было отчаяние и злость: он понял вдруг, что ничего уже не нужно, что та, для которой всё и было задумано лежит перед ним, печально остывая. Толстый человек в мундире продолжал что-то спрашивал, а Египтянова при очередном взгляде на того поразила пришедшая на ум безумная и горячая мысль.

- Возьмите меня, хоть письмоводителем или кто там есть, - вдруг попросил подпоручик.

- Парень, что такое? - чересчур фамильярно начал помощник пристава, даже поперхнувшись от таких слов. - У тебя ж карьера военная такая может быть...офицер...чин... - он попытался вразумить молодого человека. Но делать это над остывающим телом без пяти минут

невесты последнего было ошибкой! Да и какой... Египтянов вскочил на ноги и, быстро посмотрев на вцепившегося руками в волосы капитана, с жаром начал:

- Нет, понял я теперь, не видать мне офицерства, а таких... - подпоручик сверкнул глазами вслед давно скрывшему всаднику, - таких я всех изловлю!

Помощник пристава, поборов изумление, усмехнулся:

- Чудной, ну да ладно, теперь надобно господина капитана в дом отвести и барышню чем-то укрыть.

Подпоручик помог Весеникову подняться...

Дело открыли. Иначе было нельзя: гибелью Екатерины Весениковой внезапно заинтересовалась охранка. Пристав Колчинов волновался, что спятивший подпоручик всё испортит, а потому, чтобы не поднимать шумихи, пообещал взять в участок, как только тот уйдёт с военной стези. Убийцу - офицера Ласина - в конце концов нашли, он отправился на каторгу по политической статье, а в участке Васильевского острова появился новый урядник, (не решился письмоводителем только взять пристава). Звали урядника Пётр Парфёнович Египтянов.

- Петеньку, Петеньку, пора! - Агриппина Захарьевна затормошила спящего мужа. Тот заворочался, засопел и наконец, оглушительно чихнув, сонно глянул на неё. Взгляду его предстало румяное лицо, волосы были спрятаны под белый платок, возвышающийся наподобие чалмы. За это Пётр Парфёнович и награждал порой супругу титулом «заморской королевы». Теперь, усмехнувшись, Египтянов помотал головой и сел.

- Что же никто не спрашивал? - зевнув, осведомился он.

- Никто, - отозвалась Агриппина Захарьевна, - поторопились бы! Остынет, чай, всё! - она махнула пухлой рукой в сторону, откуда доносился аромат вертуты с грибами. Пётр Парфёнович потянулся и спустил ноги на половики.

За прошедшие двадцать с остатком лет с некогда подпоручиком Египтяновым случилось многое: начиная его небыстрой, но вполне сложившейся карьере в полиции и женитьбой и заканчивая переездом в Пятигорск, по месту службы. Надо заметить, именно этот перевод его на занимаемую и по ныне должность городского пристава обеспечил ему встречу с дочерью сапожника Агриппиной Захарьевной Колоток, теперь же его верной и в меру упрямой супругой.

Теперь Агриппина Захарьевна любовалась, как её благоверный уплетал завтрак: в управлении, когда поешь, только и делай, что посетителей принимай. Ещё теперь вот зима! И, быть может, недурно - отдыхающих ведь меньше, а значит и дуэлей не столько, сколько за иное лето бывает. Места они другого что ли не находят? Всё в Пятигорск стреляться едут. Оно-то ясно с поэта, незабвенного Михаила Юрьевича берут. Да разве ж это дело лишнее дело заводить на них! Придя к тому, что летние дуэлянты, да и все дуэлянты ужасно себялюбивые, не заботящиеся о чужом благополучии люди, Пётр Парфёнович закончил есть и встал, чтобы надеть китель. Поверх последнего была накинута шинель, зима ж как никак хоть нынче снегу и холоду не так уж и много. Припорошило, ещё в ноябре, а вот морозца крепкого не было! Ну, да и, может, к лучшему оно, не придётся, как бывало в старые времена в Петербурге, подснежники* после, весной, откапывать! Да, в этой утро мысли Египтянова на редкость были жизнерадостны, а потому он довольно живо отправился в полицейское управление. Впрочем, отправился - слово важное да громкое, а на деле домик городского пристава находился немногим позади здание управления, (чтобы, коли беда какая стрясётся - далеко не бегать)!

Поднявшись по скрипящей не первый и не второй год лестнице, Пётр Парфёнович скинул шинель на один из стульев, благо их в кабинете городского пристава было предостаточно, (пожалуй, они являлись единственной вещью, которой там было с избытком). Убедившись, что медный чайник, кое-где позеленевший то ли от тоски, то ли от частого использования, кто-то из урядников потрудился согреть, Египтянов плеснул кипятка с кружку и от души всы-

пал туда сахару. Он сел за стол, уже приготовившись сделать глоток этого занятого «чая», но, почти ласково скрипнув дверью, (в управлении скрипело почти всё, а иногда и все), в кабинете обозначилась фигура судебного следователя Кочковского в зеленоватом мундире, словно недозрелая картошка. Кажется, если на пороге стоял бы сам господин Грессер (*начальник петербургского отделения полиции с 1882 года, коему Пётр Парфёнович имел честь быть представленным в 1885 году*), Египтянов не так бы удивился, как теперь. Кочковский зевнул и осмотрел городского пристава с ног до головы и в обратном порядке, после он перевёл взгляд в окно, потом снова повернулся. Вся эта утренняя зарядка проходила в полном молчании. Пётр Парфёнович решил был умнее и вежливее, а потому мрачно кивнул:

- Здравствуйте, господин Кочковский.

- Добрым-с деньм-с, - гулко ответил судебный следователь. Египтянов подумал, что с похожим звуком ударяются банки с мочёными яблоками в погребу, если неосторожно махнуть рукой.

- Зачем пожаловали? - по-прежнему недовольно любопытствовал городской пристав и не зря. Следователь спускался из своего кабинета только в исключительных и самых неприятных случаях, а потому надо было держать ухо востро.

- Решил-с любопытствовать, как же вы работаете, - прогудел Кочковский. Египтянов вздохнул и насторожился: в прошлый раз интерес судебного следователя к работе городского пристава кончился выговором губернатора, за якобы «сидение без дела».

- Потихоньку работаем, да отошли бы вы от дверей-то, сейчас люди пойдут... - намекая, что недурно было бы судебному следователю не просто отойти, но и вовсе исчезнуть из кабинета, аки призрак; махнул рукой Пётр Парфёнович.

- Ничегом-с, отойдем-с, коли придут, - всё же двинулся с места Кочковский, но, увы, не в нужную сторону, а напротив поближе к дерматиновому дивану.

- Да, и садиться не советую, - вдруг спохватился Египтянов, поняв, что допустить приземление судебного следователя ни за что нельзя. - Смородинов давеча чернила опрокинул! Как не старались оттереть, пятно исчезло, да все, кто сядет, тот час запачкается!

Ефим Георгиевич, уже почти усевшись, стремительно распрямился и сердито спросил:

- Отчего же раньше не предупредили?

- Запаятовал, видите ли, люди до вечера не уходят! А с утра, как только приду, теперь же сходятся! - начав выстраивать стопку из папок, пояснил Египтянов.

- А вы что же забыли и то, что двери вашего дома должны быть всегда открыты для посетителей? - Кочковский особенно выделил слово «всегда» и, на всякий случай ещё раз осмотрев свои брюки, недружелюбно покосился на диван.

- Не извольте беспокоиться, - раздражённо шлёпнув последнюю папку на вершину «башни», проворчал Пётр Парфёнович, - если вас обкрадут или вовсе убьют, я приеду по первому зову, даже если и ночью!

- Насмешничаете? - надулся как мышь на крупу судебный следователь.

- Несу службу, - возразил Египтянов.

- Ну, что ж, не буду мешать, - уже почти раскланялся Ефим Георгиевич, но в этот самый миг в приёмный кабинет ворвался урядник Смородинов, не глупый малый, но слишком болтливый.

- Пётр Парфёнович... здрасте, господин Кочковский... Пётр Парфёнович, там горничная прибегла! - выдал он разом.

- Какая горничная? К чему прибегла? - растерялся Египтянов, одновременно будучи рад, что прервался разговор с судебным следователем, и злясь на урядника за поспешность и отсутствие привычки банально разделять сообщение на части и докладывать по всей форме.

- К нам прибегла, от генерала Ситинского она, говорит дочь пропала, - опять выпалил Смородинов.

- Чья дочь пропала? - решил на всякий случай уточнить и сей факт городской пристав. Кочковский усмехнулся уголком рта.

- Генерала Ситинского, конечно! - потоптался на месте урядник.

Эта фигура была знакома Египтянову очень хорошо. Генерал Михаил Ситинский принадлежал к числу тех курортников, которые предпочитая жару холоду приезжают исключительно зимой, вывозя с собой и всё семейство, если таковое имеется. У генерала оно имело, и с достатком: красавица-жена и немного-немало девять дочерей. Смотря на которых, Пётр Парфёнович отечески сокрушался о множестве юношей, наверняка сгубленных их красотой, (совершенно точно доставшейся от матери, потому что сам Ситинский особенной внешностью не отличался), и сражённых умом (теперь уже непременно отцовским, к великому сожалению, надо полагать, всего семейства мать хоть и была добра и приветлива, сообразительностью не отличалась).

Услышав же теперь о пропажи одной из дочерей, Египтянов весьма нечеловеколюбиво подумал, что при таком количестве детей, её отсутствие могло остаться незамеченным очень долго, или же она и вовсе не пропадала, а просто-напросто года два назад вышла замуж.

- Горничная говорит генеральша в истерике, просит торопиться, - прервал мысли городского пристава Смородинов. Египтянов покосился на Кочковского: в его голову закралось опасение, ну, как решит тоже поехать, генеральская дочка всё же, не грех и самому судебному следователю поехать! Но к счастью Петра Парфёновича, Ефим Георгиевич только усмехнулся уголком рта, и, сказав, что ещё зайдёт позже, ретировался в свои покои. Городской пристав поспешил за урядником. Горничная Ситинских Лизка даже не взошла на крыльцо управления и беспокойно металась на перед ним.

- Городской пристав, ох, вы пришли! Ну, наконец! Барыня извелась вся, едемте поскорее!

- затараторила она, кинувшись к Египтянову.

- Поедем, поедем, не кричи! Кто ж пропал-то?

- Так душечка наша Валечка, Валечка и пропала! Ох, горе-то какое! - причитала Лизка.

- Да погоди, не реви! Её ж не убили! - оборвал её Пётр Парфёнович, горничная со страхом взглянула на него: - Как ж так! Убили! Ох, злодеи!

- Да, не голоси! Садись лучше! - поспешил уgomонить всё расхोdivшуюся горничную городской пристав. Лизка взобралась на сидения экипажа, предусмотрительно подведённого Смородиновым. Хоть какой-то толк из него вышел!

- Позови, как его...

- Грушина? - подсказал урядник.

- Его, да не Грушин он! А Крушиц, понимаешь ты?

Урядник тупо поглядел на городского пристава, порой он всё же заставлял сомневаться в наличии хоть какого-то ума...

-Иди, иди, зови, хоть Крушица, хоть Грушина! - махнул рукой Египтянов, будучи не в силах терпеть этот взгляд. Городскому приставу, непривыкшему к долгим и пространным рассуждениям, (за исключением самых крайних случаев), хотелось поскорее узнать, что же случилось с дочкой генерала. Заставляло торопиться и то обстоятельство, что пропала именно генеральская дочь, Пётр Парфёнович весьма неплохо прознал три года тому назад на своей шкуре, во что может выйти промедление в подобном положении. Наконец из управления выскочил второй урядник Крушиц или же Грушин, как постоянно называл его Смородинов, показавшийся следом, и которому Иван Ираклиевич был полной противоположностью. Если Смородинов болтал безумолку, то из Крушица и клещами порой было не вытащить ни единого слова; там, где первый урядник допускал беспорядок, (разумеется, преследуемый начальством в лице Египтянова, но вполне им понимаемый), то второй не терпел и пылинки. Однако их без сомнений объединяло то, что порой они совершенно одинаково заставляли городского пристава задуматься над философским вопросом, за что ему достались в урядники именно они?

Теперь оба урядника уселись в экипаж по всем правилам приличия, оставив начальнику место рядом со свидетелем. Египтянов сей любезностью не воспользовался, а, раздражённо передернув плечами, приказал сесть с Лизкой Смородинову. Городской пристав был проницателен: едва экипаж тронулся, горничная начала допытывать урядника всяческими вопросами и причитаниями. Все взгляды Смородинова, молящие о помощи, Пётр Парфёнович усердно не замечал и даже отвернулся, сделав вид, что любитесь видами.

Впрочем, уже спустя десять минут городской пристав сидел не в экипаже и смотрел отнюдь не на живописные домики на фоне величественной горы, а в номере гостиницы «Ревель» и лицезрел генеральшу Ситинскую, мерно раскачивающуюся из стороны в сторону. Возле неё металась Лизка, а по обеим сторонам, на диванах, за диванами, на креслах, за креслами - везде, словно гарнизон крепости, расположились барышни!

Рыдания генеральши стихли, она была занята: Лизка принесла её капель, а Египтянов оглядел всю выстроившуюся роту. Нет, Пётр Парфёнович был верным и примерным мужем и смотрел на барышень исключительно с профессиональной точки зрения: они непременно были свидетелями или даже подозреваемыми, а он, разумеется, городским приставом. И теперь он с ужасом представлял количество предстоящих допросов и расспросов.

- Быть может, вы что-нибудь ещё можете сказать? - с надеждой спросил Египтянов, но генеральша только отрицательно потрясла головой. В сущности, она и до этого вопроса ничего не рассказала, лишь то, что сестры, жившие в одной комнате с Валентиной, обнаружили в кровати скрученный из пледа валик и больше никого. Решив, что она ушла к «младшим», ни одна из сестёр не заволновалась, и только, когда спустились к завтраку, выяснилось отсутствие Вали. И Пётр Парфёнович, конечно, понимал, что собственных предположений, гипотез и версий произошедшего от Ситинской ждать вряд ли стоит, но досада всё же присутствовала. Хорошо ещё генерал, проявив мужество и сообразительность, отправился к портье вместе со Смородиновым, дабы расспросить не выходил ли кто из гостиницы. На то урядники и нужны, чтобы можно было посылать к соседям, к другим постояльцам, а самому уж вести допрос непосредственных участников и свидетелей.

- А вы что-нибудь можете сказать, барышни? - обведя взглядом Ситинских-младших, нерешительно спросил Египтянов. С его стороны это было слишком опрометчиво, задавать вопрос сразу восьми барышням. За это городской пристав был немедленно наказан раздавшимся гвалтом со всех сторон, сестры восприняли его слова, как команду к действию и загалдели.

- Зачем же так громко? Зачем все сразу? - пытался возразить Египтянов, но всё было безуспешно. - Я ведь должен понять, что случилось, расспросить каждого в отдельности! - сказал он чуть громче и решительнее, неожиданно все девицы смолкли и усталились на Пётра Парфёновича.

- Вот так! А теперь мне хотелось бы узнать подробные сведения от тех, кто обнаружил первым пропажу госпожи Ситинской, - городской пристав зачем-то уточнил, - Валентины Михайловны. И не так поспешно...

- Долго же вы намерены медлить? - раздался недружелюбный голосок из-за кресла справа. Городской пристав посмотрел туда. Говорившая заложила руки за спину, а Египтянов, взглянув на неё, тут же подумал, что, должно быть, она неразлучна с «Разладом» Вербицкой¹ или другой трухой. Попался как-то в руки городскому приставу экземплярчик какой-то Майской или Апрельской: редактор Шкаловский расщедрился в прошлую встречу, сказал дурной спрос, барышни молодые всё больше летом ведь приезжают. Так вот романчик ещё хуже Вербицкой - редкостная чушь и блажь! И куда только смотрят маменьки, позволяющие такое читать дочерям.

- Фу, какая ты злая, Лидуша, - пропищал совсем тонкий голосок с кресла, что стояло слева. Городской пристав перевёл взгляд туда. На красном бархатном сидении расположилась

девочка. По всей вероятности, она являлась самой младшей Ситинский, потому что на вид ей было не больше четырнадцати. Тугие смоляные косички подпрыгивали при каждом движении, а барышня просто на месте спокойно усидеть не могла. Египтянов вздохнул: вот ещё, с ребёнком возиться придётся, что эдакая малютка могла запомнить? Впрочем, когда вновь слышался отрывистый голос Лидии Михайловны, Пётр Парфёнович понял, что хочет не опрашивать Ситинских, а непременно отправиться в управление, даже если там есть Кочковский. А строптивая дочь генерала всё больше расходилась:

- Я совершенно не понимаю, отчего мы каждый год сюда же приезжаем. Это совершенно непрактично и к тому же дорого! И о чём только думает рарá!

Египтянов хмыкнул, услышав это, о почитании старших барышня, вероятно, не слыхом не слыхивала.

-А вот это, действительно, стыдно, Лида! Нельзя так про рарá! - одернула сестру другая. Она была, вероятно, старше, но мягче и слабее Лидии, что выражалось в тихом голосе и не таких острых и резких чертах.

- О, конечно, ты ведь самая старшая и я должна тебя слушаться! Ты у нас сама правильность, милая Клавденька! - недобро сверкнув глазами, съязвила Лидия и облокотилась на спинку кресла, где сидел сестра. Египтянову даже стало жаль Клавдию Михайловну: небось частенько плачется из-за такой-то сестры.

- Не обижай, Клавденьку, она, действительно, старшая! - возвала к совести Лидии барышня с дивана слева. Длинное, взрослое синее платье говорило, что она уже перешагнула рубеж шестнадцатилетия, но ещё не укрепившаяся привычка закалывать волосы наверх (чёрные кудри лежали, впрочем, лежали неуместное слово, вернее будет вели себя как им вздумается на плечах), что случилось это весьма недавно.

Лидия вздернула и без того слегка курносый острый носик. Египтянов приготовился к тираде и не зря.

- О, Любенька, с каких пор ты взяла на себя роль миротворца! Это Надюшина роль! Впрочем, теперь ведь ей придется мирить всех нас, а самое главное объяснять произошедшее господин из полиции, - Ситинская презрительно скривилась. А Пётр Парфёнович наконец понял, кого ему напоминает эта не в меру вздорная барышня. И так, Лидия Михайловна напомнила городскому приставу жену его друга Василия Григорьевича Дынникова.

Евгения Ивановна Дынникова была весьма известна в городе, даже больше, чем могла мечтать жена хозяина небольшой медовой лавки. Она была своевольна, капризна, горда и что ни на есть дама, никакие другие мешанки и купчихи не могли тягаться с ней. Одевалась исключительно в парижское, по меньше мере петербургское. И всё атласы, бархаты с мудрёными названиями, всё какие-то «де», «ла», «гро», «гра». Язык заплетается! Ситинскую Лидию, впрочем, наряды вряд ли интересовали... Из всех сестёр её блузка да юбка клетчатая самыми простыми казались.

- Ты совершенно верно заметила, Лида, объяснять буду я, поэтому не лучше ли тебе послушать и подумать, не можешь ли сказать и ты чего-нибудь? – слышался спокойный голос. Это говорила барышня лет семнадцати, стоявшая прямо позади дивана с охающей генеральшей. Египтянов невольно проникся уважением к её строгости и сдержанности. К себе барышня даже теперь прижимала томик Достоевского, что также вызвало одобрение со стороны городского пристава.

- О нет, Наденька, молчунья у нас Ксеничка, увольте, я пока что дар речи не потеряла! – возразила Лидия, но, вероятно, в первый раз за всё время пожалела о сказанном. В больших, (пожалуй, больше, нежели и прочих сестёр), глазах Нади показалось что-то неуловимое, но на пути и этого не хотелось оказаться.

- Не смей трогать Ксеничку, - отрезала весьма холодно она и уже ласково положила руку на плечо светловолосой барышни, сидящей слева от матери. Египтянов только теперь подумал, что та до сих пор так ничего и не сказала.

- Ксеничка нема, но слышит, - вероятно, заметив непонимающий взгляд Петра Парфёновича пояснила Клавдия. - Наденька за неё горой...

Городской пристав посмотрел с какой заботой Надежда Михайловна смотрит на сестру. Какие баталии могут случаться с Лидией и здесь – понимание – а всё одна семья!

- А когда же мы будем говорить о Вале? О подозреваемых? – раздалось слева. Египтянов повернул вновь голову и невольно вздрогнул. За диваном, на котором сидела Ирочка, стояли две совершенно одинаковые барышни. Обе с каштановыми косами, обе в розовых платьях.

- Соня, Вера! – укорила их Клавдия. - Нехорошо так спрашивать!

- Быть может, вы и Валю... - возмущённо начала одна барышня, у неё коса была перекинута вперёд.

- Не хотите искать? – закончила другая, её коса осталась сзади.

- Да пожалейте же вы маман, - с нотками мольбы в голосе сказала Клавдия.

- Да, следует вернуться к делу, - предложил как-то нерешительно Египтянов. Лидия усмехнулась, вновь заговорив: - Пора бы, уж, верно, а то ведь и до четверти часа уж далеко, а вы решительно ничего и не выяснили, не отрыли...

Тонкие губы Ситинской хохотнули.

- Я могу рассказать... - предложила Любенька, её решение тут же было поддержано всеми сёстрами, за исключением Лидии, лишь насмешничавшей за креслом.

- Валя всегда увлекалась приключенческими и рыцарскими романами, - начала Любенька, - она читала их беспрестанно. За эту неделю, что мы здесь она ни разу, пожалуй, не выходила из гостиницы...

Египтянов непонимающе ухнул. Любенька продолжала:

- Вчера вечером Валя сказала, что ляжет раньше, хотя никогда не уходила до одиннадцати. Клавдия даже взволновалась, что та заболела, но Валя убедила её, что просто не выспалась и ушла. Когда пришли мы, я зашла пожелать «доброй ночи», она уже крепко спала...

- Или же притворялась, - не выдержала Лидия. Любенька покосилась на неё, но ничего не ответила, взяв пример с Нади.

- Она крепко спала, а на утро пропала, - голос Любеньки сделался совсем тихим.

- А каков повод для побега? - спросил Египтянов. - Не была ли она тайно...

- Нет! - воскликнула генеральша, всплеснув руками, ей, как и любому родителю порой, хотелось пребывать в блаженном не ведении и вовсе не знать или даже предполагать о поступках своих детей.

- Мне кажется, - начала Наденька, нахмутив тонкие брови, - Валя была слишком увлечена мыслью о подвигах, чтобы сбежать с женихом...

- А что же мешать пускаться в рыцарские подвиги с рыцарем, - скривилась Лидия. Египтянов понял, что ссора может возобновиться и решил переменить тему пока не поздно.

- А как бы вы могли описать Валентину Михайловну? - осторожно поинтересовался он у всех сестёр сразу.

- Как ужасно непоследовательную, - бросила Лидия.

- Господин пристав спрашивал не про это... - поправила её Клавдия, непокорная барышня фыркнула.

- У нас есть карточка! - вспомнила Ирочка. Городской пристав подивился, зачем же Ситинские возят с собой свои же фотографические карточки. Ирочка между тем убежала и возвратилась и протянула Петру Парфёновичу глянцевую, чуть желтоватую бумажную пластинку. На ней были запечатлены все Ситинские вместе.

- Вот Валя, - указала пальцем барышню, стоящую на фотографии рядом с Лидией, - видите какая она рыжая! - с восхищением добавила Ирочка. Увидеть степень рыжины на чёрно-белой фотографии являлось затруднительным и городскому приставу пришлось поверить на слово. Однако если цвет волос не поддавался определению, то хорошо было заметно, что Лидия похожа на отца, более остальных, Валентина же была почти точной копией матери.

Египтянов изучил фотографию вдоль и поперёк, чем вызвал новый смешок со стороны Лидии. Пора было двигаться далее, а именно в комнату, откуда так загадочно исчезла барышня.

-Премного благодарен за столь подробный рассказ, теперь надо комнату осмотреть, - Египтянов подивился, как умудрился эдак сказать и вернул карточку. Лидия насмешливо хмыкнула.

- Мама, мама, вы пойдёте в комнату? – бросилась к генеральше Ирочка, та отрицательно покачала головой: - Сможете показать господину приставу всё сами, а я не могу...Лиза, принеси ещё капель!

Оставив Варвару Алексеевну на попечении горничной, вся делегация прошла в «комнату старших». Поскольку денег у генерала Ситинского было не столько, чтобы каждую дочь в отдельном номере селить, да и полгостиницы бы заняло их семейство в таком случае, жили они в тесноте да не в обиде. Успев, однако, познакомиться с Лидией, городской пристав сомневался, что обид между сёстрами было тоже достаточно.

- Вот это кровать Вали и Клавди, - оповестила Ирочка, указывая на кровать у самого окна. Городской пристав, а за ним и все сёстры, подошли туда. По праву руку стояла небольшая тумбочка с бумажными разноцветными цветками в вазочке. Какой-то листок выглядывал из-под кровати. Египтянов наклонился и, подняв его, перевернул.

- Это ещё что? – городской пристав невольно скривился. – Чудище этакое!

- Это Леночка нарисовала! – воскликнула Любенька.

- Позвольте полюбопытствовать, кто? – нашёл глазами барышню Египтянов.

- Леночка, Гашнер, мы уже говорили о ней! – напомнила та.

- Ах да, а что же госпожа Гашнер рисует этаких, - Пётр Парфёнович старался подобрать слова, чтобы никого не обидеть, барышни же всё же, - существ?

- Это карикатура, Валя попросила, - объяснила самая старшая Клавденька. – Кажется, какой-то египетский бог, Анубис, быть может...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.